

РУССКО-ЛАТИНСКИЕ РИФМЫ: ПОТЕРЯВШЕЕСЯ СТИХОТВОРЕНИЕ В. Ф. ХОДАСЕВИЧА

Всеволод Владимирович Зельченко

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; v.zelchenko@spbu.ru
Bibliotheca classica Petropolitana,
Российская Федерация, 197198, Санкт-Петербург, Малый пр. П. С., 9–6; v.zelchenko@spbu.ru

В 2009 г. вышло в свет подготовленное Дж. Малмстадом и Р. Хьюзом «*Полное собрание стихотворений*» Ходасевича — первый том восьмитомного собрания сочинений поэта. К сожалению, богатые рукописные материалы Ходасевича в РГАЛИ были использованы в этом издании лишь в весьма скромной мере. В результате черновые редакции многих стихотворений 1900–1910-х годов, а также ряд набросков до сих пор остаются неопубликованными. Стихотворение «В костеле» (1918), напечатанное (с неточностями) теми же Малмстадом и Хьюзом в 1990 г., оказалось в новом собрании пропущено. Это восьмистишие, рисующее, как видно из черновиков, панихиду по убитому солдату, представляет собой любопытный макаронический эксперимент: в каждом из двух четверостиший две строки написаны по-русски, а две другие, рифмующиеся с ними, — по-латыни (это фрагменты католической заупокойной мессы и евангельские цитаты). В статье предлагается критическое издание стихов и попытка комментария к ним.

Ключевые слова: Ходасевич, издание текста, латинский язык в русских стихах.

Как ни странно утверждать это об одном из самых значительных русских лириков, полная публикация стихотворного наследия Владислава Ходасевича остается делом будущего. Когда в 1983 г. Джон Малмстад и Роберт Хьюз выпустили первое научное издание поэзии Ходасевича, обильно использующее рукописные материалы из зарубежных собраний (Khodasevich, 1983), железный занавес не позволил им обследовать советские архивы и в первую очередь личный фонд поэта в ЦГАЛИ. С наступлением новых времен эта лакуна была заполнена скрупулезно подготовленным томом Н. А. Богомолова и Д. Б. Волчека, которые добавили к корпусу Ходасевича десятки неизвестных ранее текстов (Khodasevich, 1989); однако аскетический формат «Библиотеки поэта» лишил составителей возможности сколько-нибудь подробно привести черновые варианты стихотворений, а также опубликовать все неоконченные наброски¹. Казалось бы, ситуацию должно было исправить новое монументальное собрание сочинений под редакцией тех же Дж. Малмстада и Р. Хьюза, первый том которого, озаглавленный «*Полное собрание стихотворений*», увидел свет в 2009 г. в Москве (Khodasevich, 2009). Этого, однако, не произошло: в издании, не скованном какими-либо внешними ограничениями, рукописные материалы Ходасевича из РГАЛИ отразились только в той мере, в какой это было сделано составителями тома «Библиотеки поэта»².

В результате читатель новейшего собрания сталкивается с досадной диспропорцией: если для стихотворений 1920-х годов Малмстад и Хьюз приводят образ-

¹ «В то же время, в соответствии с задачами “Библиотеки поэта”, мы не даем полной расшифровки всех доступных нам черновиков поэта и полного списка всех рукописных вариантов. <...> Завершают сборник наброски из черновых рукописей поэта, в которых авторская мысль получила сколько-нибудь полное развитие» (Khodasevich, 1989, 357–358).

² «Также нами учтены архивные сведения в БП» (Khodasevich, 2009, 359).

© St. Petersburg State University, 2016

цовой подробные сводки рукописных вариантов, включая полные транскрипции черновиков (так, публикация предварительных материалов к «Соррентинским фотографиям» занимает в комментариях 34 страницы), то стихи двух предыдущих десятилетий, работу над которыми документируют записные книжки Ходасевича в РГАЛИ, этих по праву принадлежащих им богатств лишены. Между тем, как предупреждала еще в 1993 г. С. В. Полякова, в случае Ходасевича «даже черновая стихотворная россыпь может оказаться золотой» (Khodasevich, 1993, 165)³.

То же приходится сказать об обширном своде неопубликованных и неоконченных стихотворений. Ограничимся только одним примером. Короткий отрывок 1915 г. напечатан в «Библиотеке поэта», а затем в собрании сочинений 2009 г. (с однострочным примечанием «Черновой автограф (РГАЛИ), без даты») в таком виде:

С грохотом летели мимо тихих станций
Поезда, наполненные толпами людей,
И мелькали смутно лица, ружья, ранцы,
Жестяные чайники, попоны лошадей.

Исследователи, обращавшиеся с тех пор к этому яркому четверостишию, поневоле резюмировали его содержание расплывчато: «По всем признакам напоминает зачин эпического описания событий I мировой войны, в которую была втянута и Россия» (Fedotov, 2011, 57); «Военные впечатления становятся темой неоконченного наброска 1915 г.» (Uspenskii, 2014, 180). В самом деле, большего здесь, казалось бы, сказать невозможно. Между тем в черновых материалах к стихотворению сохранились попытки продолжения — всего несколько обрывочных строк, большей частью зачеркнутых, которые, однако, позволяют с точностью датировать и локализовать картину:

[В городе]
[Город был окутан рыжеватой дымкой
От горящих]
По углам расклеивали пестрые листы⁴.

Нет сомнения, что перед нами описание дня 18 (31) июля 1914 г., когда на улицах Москвы, еще недавно затянутых дымом лесных пожаров, расклеивался приказ о всеобщей мобилизации. Мы знаем, как Ходасевич провел этот день: приехав в Москву из дачного Томила⁵, он прощался с мобилизованным ближайшим другом,

³ История этой подборки показательна для нашего сюжета. В значительной части она восходит к тем же материалам из РГАЛИ; они попали к С. В. Поляковой в составе «самиздатовских» машинописных копий, которые распространяла вторая жена поэта А. И. Чулкова-Ходасевич, сохранившая его архив. В этих обстоятельствах уже публикация 1993 г. вызывала вопросы, поскольку при наличии самих автографов воспроизводила их урезанные и несовершенные транскрипции. Впрочем, желание редакции «Нового литературного обозрения» как можно скорее ввести в читательский оборот «неизвестного Ходасевича» менее всего заслуживает педантичного осуждения; однако тот факт, что в собрании 2009 г. неоконченное стихотворение «Дрожит вагон. Заледенелых окон...», а также черновые варианты стихотворения «Редея, леса червенеют...» печатаются не по рукописям (в обоих случаях дающим значительно более полные тексты), а по той же публикации С. В. Поляковой, оправданий уже не находит.

⁴ РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 28а (с вариантом в ст. 4 «и морды лошадей»), опубликованная версия: Там же. Л. 30.

⁵ Ср. в позднейших воспоминаниях еще одного литератора, встретившего войну в Томилине: «Длинная, бесконечная вереница темных товарных вагонов; и в неосвященном зиянии отодвину-

поэтом С. В. Киссиным-Муни: «Накануне его явки в казарму я был у него. Когда я уходил, он вышел со мной из подъезда и сказал: — Кончено. Я с войны не вернусь. Или убьют, или сам не выдержу» (Khodasevich, 1997, 78)⁶. Речь идет, таким образом, о попытке запечатлеть *первый день мировой войны*; несколько лет спустя этот замысел будет совсем по-иному реализован в хрестоматийной «Обезьяне» (1918–1919).

Необычна судьба стихотворения «В костеле». В 1990 г. оно было напечатано в дополнениях ко второму тому собрания Малмстада — Хьюза, однако в их итоговом издании 2009 г. по неясным причинам пропущено. При этом единственная публикация этих стихов текстологически не вполне удовлетворительна, а сами они в силу названных обстоятельств ускользают от внимания филологов. Поместить их критическое издание в настоящем сборнике кажется тем более уместным, что ровно наполовину они написаны по-латыни, а вкус и интерес юбиляра к макароническим русско-латинским комбинациям засвидетельствованы уже одной из первых его статей⁷.

В костеле

Вот и спрятал ты в тесной хоромине
Все надежды, страсти, затеи:
Requiem aeternam dona ei, Domine,
Et lux perpetua luceat ei.

И на хоругви, к стене прибитой,
Мы прочли слова золотые:
Ego sum resurrectio et vita,
Et resuscitabo eum in novissimo die.

12 июля 1918 г.

Поскольку в таком виде эти стихи не читаются ни в одном рукописном источнике, их текст нуждается в обосновании. Первый подступ к ним отразился в записной книжке, начатой Ходасевичем 12 января 1918 г.⁸:

У нас отпевают в гробу закрытом
Так сурово и так прекрасно,
Что вот — над солдатом стою убитым,
А в сердце чисто, легко и ясно.

Хорошо

[Ну так что же, что в тесной хоромине]
[Все мечты,] затеи?
Requiem aeternam dona ei, Domine,
Et lux perpetua luceat ei.

тых в сторону не дверей, а деревянных щитов, перегородок, и железных засовов еле видимые глаза, мелькающие человеческие фигуры, спущенные вниз, болтающиеся на весу ноги; и страшный, хриплый, раздирающий ночную тишину не то стон, не то крик и рев сотен, тысяч пересохших гортаней: — Урра! Урра! Урра!» (Don-Aminado, 1991, 148).

⁶ Точная дата «явки в казарму» устанавливается из письма И. М. Брюсовой к Н. Я. Брюсовой от 18 июля из подмосковной Опалихи: «Муня завтра, 19 июля, в 5 часов утра должен явиться к Покровским воротам и Калитниковскому кладбищу, а оттуда на войну. <...> Мимо идут поезда с солдатами. Жуткое настроение» (Kissin, 1999, 344).

⁷ См.: Gavrilov, 2011, 38 (о колоритных novissima verba Стеньки Разина, транслитерированных в составе латинской записки Иоганна Юстуса Марция).

⁸ РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 8 (на одной странице с черновиком стихотворения «К Анюте», помеченным 25 января).

В другую записную книжку, заполнявшуюся в течение 1917–1918 гг., вложен листок, на котором стихотворение переписано набело уже под заглавием «В костеле» и без строфы «У нас отпевают...»; именно это восьмистишие Малмстад и Хьюз опубликовали в 1990 г. От приведенного выше текста оно отличается в ст. 5–6:

А над гробом хоругвь прибита,
И на ней — слова золотые⁹.

Наконец, еще несколько страниц спустя в той же книжке читается изолированная вторая строфа в версии «И на хоругви, к стене прибитой, / Мы прочли слова золотые...» и с датой 12 июля 1918 г.¹⁰

Вопрос о последнем авторском варианте ст. 5–6, как видим, спорен: при всем внимании Ходасевича к своим черновым тетрадям, которые он регулярно просматривал, дополнял и сопровождал пометами, ручаться за то, что вырванный листок оказался в нужном месте, нельзя. Рассуждая об относительной хронологии двух редакций, приходится исходить из внутренних оснований. Поскольку хоругви в храме располагаются не «над гробом» (который во время отпевания ставится в центр), а как раз у стен, правка Ходасевича, скорее всего, была призвана устранить эту неловкость. Обратная последовательность, при которой поэт осознанно пожертвовал верностью деталям церковного обихода (скажем, ради более точной рифмы к латинскому *vita*), представляется менее правдоподобной¹¹.

Эти восемь строк интересны сразу в нескольких аспектах. Во-первых, «отброшенный ключ» (по терминологии М. Л. Гаспарова), т. е. строфа об убитом солдате из первоначальной редакции, ставит их в ряд стихотворений Ходасевича, связанных с Первой мировой войной. Как известно, Ходасевич, подобно многим русским литераторам, поначалу воспринял эту войну (а затем и большевистскую революцию) как своего рода «очистительный огонь»¹²; однако в разрез большинству поэтов-современников его немногочисленные военные стихи (от «Слез Рахили» до «Джона Боттома») неизменно выдержаны в одной интонации — скорби по погибшим, не допускающей никаких обманно-утешительных деклараций о высших целях и смысле жертв.

Во-вторых, здесь затронута важная для Ходасевича тема католической (и польской) самоидентификации¹³. Поскольку пристрастие Ходасевича к переосмыслению «чужих» заглавий было убедительно продемонстрировано Н. А. Богомоловым (Bogomolov, 2011, 154–165), укажем, что к моменту написания «В костеле» русская поэзия уже знала как минимум три омонимичных стихотворения — Бунина (1889), Случевского (1890) и Сергея Соловьева (1915). Как представляется, именно заре-

⁹ РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 56.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 59.

¹¹ На этот выбор, давшийся нам не без колебаний, повлиял обмен мнениями с московской коллегой А. В. Журбиной. Принесим ей сердечную благодарность.

¹² Ср., напр., в письме Г. И. Чулкову от 15 (28) декабря 1914 г.: «Все стало серьезнее и спокойнее. <...> Поэтому дышится в известном смысле приятней и легче, чем это было до войны» (Khodasevich, 1997, 391).

¹³ Проблема тройственной русско-польско-еврейской идентичности у Ходасевича были в самое последнее время посвящены две важные работы: Waysband, 2015; Shubinskiĭ, 2016. В связи с публикуемым стихотворением ср. свидетельство Р. Н. Гринберга (1953): «Владислав часто говорил, что ему приятно быть в католичестве, в частности, еще потому, что над ним будут читать по-латыни в день отпевания» (Yangirov, 1999, 204).

совка Случевского послужила Ходасевичу отправной точкой для ответа, если не для полемики¹⁴: отстраненно-карикатурному описанию чуждого культа, в котором Случевскому повсюду бросаются в глаза приметы суетной пышности, противостоят зачин «У нас отпевают... / Так сурово и так прекрасно...» В-третьих, те же отброшенные строки «У нас отпевают в гробу закрытом / Так сурово и так прекрасно...» задним числом позволяют заметить, что образ *открытого гроба* на православном отпевании неизменно возникает у Ходасевича в фантазмагорических или гротескных контекстах — будь то «Смоленский рынок» (1916), «Соррентинские фотографии» (1926), сонет «Похороны» (1928) или «Я» (1928).

Наконец, небезынтересно рассмотреть «В костеле» как двуязычный *tour de force*, в котором латинские фрагменты заупокойной мессы и Евангелия от Иоанна¹⁵ зарифмованы с русскими строками. Хотя для Ходасевича, вероятно, в первую очередь был значим пушкинский образец («*Lumen coelum, sancta rosa...*»), подобные макаронические эксперименты получили знаменательно широкое распространение в поэзии начала XX в., причем латинские вкрапления встречаются в них едва ли не чаще, чем, скажем, французские или немецкие. В самом деле, условное «русифицированное» произношение школьной латыни открывало возможности для свежих и неожиданных созвучий¹⁶ без того неминуемого насилия над иностранной фонетикой, которое составляет главный комический эффект записок г-жи Курдюковой. Русско-латинские рифмы с разной степенью мастерства используются современниками Ходасевича для создания как древнеримского колорита (Гумилев, «Блудный сын», 1911: «Цветов и вина, дорогих благоволий... / Я праздную день мой в веселой столице! / А где же друзья мои, Цинна, Петроний? / А, вот они, вот они, *salve, amici!*»), так и колорита средневекового (стилизованные под вагантов «Трели» Волошина, 1915: «*Filiae et filii!*» — / Свищет соловей / На лесном развилии / Радостных путей...»), для апроприации афористичных цитат из древних (Брюсов, «Ответ», 1911: «Так не кляните нас, что мы упрямо / Лелеем песни всех былых времен, / Что нами стон Катутлла: “*Odi et amo*” — / Повторен!») и новых (финал «Благоговения» Блока, 1909: «Лишь художник, занавесью скрытый, — / Он провидит страстной муки крест / И твердит: “*Profani, procul ite, / Nic amoris locus sacer est*”»), для воспарения к высотам мистики («*Museum anatomicum*» Эллиса, 1911) и учености (таково пристрастие к латинским философским терминам у Н. М. Минского, которое вызвало тяжеловесную пародию сатириконовца Евгения Венского: «Ведь *nihil est in intellectu / Quod... quod non prius* (Симеон! / Скажу ему я для эффекта!) / *In sensu fuerit...* Мэон!..») или, наоборот, для отсылки к гимназической рутине (Мережковский, «Старинные октавы», 1906: «От слез дрожал неверный голосок, / Когда твердил я: “*Lupus... conspicavit... / In rure pascebatur...*” и не мог / Припомнить дальше; единицу ставит / Мне золотушный немец педагог...») и т. п.

¹⁴ О Случевском у Ходасевича см. в первую очередь: Skvortsov, 2015, 60–69.

¹⁵ *Ego sum resurrectio et vita — Ин. 11:25; Et resuscitabo eum in novissimo die — Ин. 6:44* (ср. 6:39, 40, 54).

¹⁶ См., напр., волошинский сонет 1915 г. «Петербург», в котором для решения головоломно трудной задачи — приискания сразу трех рифм к имени столицы (ср. позднейшую констатацию Георгия Адамовича: «Друзья! Слабеет в сердце свет, / А к Петербургу рифмы нет») — наряду с демиургом и пургами привлекается латинское *resurgam*. Другой пример — сонет Вяч. Иванова «Венок (Валерию Брюсову)» (1906) с его тремя экзотическими русскими рифмами к названию брюсовского сборника «*Urbi et orbi*».

В этом пестром ряду опыт Ходасевича занимает особое место. И строго-симметричная композиция, и богатство двуязычных рифм, в которых рассчитанные прозаизмы русского текста контрастируют с торжественной богослужбной латынью («хоромине — domine», «затеи — luceat ei») — все эти элементы работают на целое, не вырождаясь ни в каламбур, ни в экзотику, ни в самоценную демонстрацию поэтической техники. Нельзя не вспомнить, что буквально в те же месяцы было написано другое, едва ли не самое знаменитое стихотворение о Первой мировой войне — «Dulce et decorum est» Уилфреда Оуэна. В его макароническом финале также звучит латинская цитата — но звучит не примирением, а проклятием:

My friend, you would not tell with such high zest
To children ardent for some desperate glory,
The old Lie: *Dulce et decorum est*
Pro patria mori.

Литература

- Богомолов Н. А. Заглавия в лирике: Опыт Ходасевича (2006). В кн.: Богомолов Н. А. *Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче*. М., Изд-во Кулагиной; Интрада, 2011, 154–165.
- Гаврилов А. К. *О филологах и филологии: Статьи и выступления разных лет*. СПб., Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2011.
- Дон-Аминадо. *Поезд на третьем пути*. М., Книга, 1991.
- Киссин (Муни) С. В. *Легкое бремя: Стихи и проза. Переписка с В. Ф. Ходасевичем*. Изд. подгот. И. Андреева. М., Август, 1999.
- Скворцов А. Э. Об источниках некоторых стихов Владислава Ходасевича (2013). В кн.: Скворцов А. Э. *Поэтическая генеалогия: Исследования, статьи, заметки, эссе и критика*. М., ОГИ, 2015, 43–70.
- Успенский П. Ф. *Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. — 1917 г.)*. Tartu, University of Tartu Press, 2014.
- Федотов О. И. Раритетные размеры хорей в лирике Владислава Ходасевича и их содержательные приоритеты. *Polilog*, 2011, 1, 55–65.
- Ходасевич В. *Собр. соч.* Т. 1: Стихотворения. Под ред. Дж. Малмстада и Р. Хьюза. Ann Arbor, Ardis, 1983.
- Ходасевич В. *Стихотворения*. Вступ. ст. Н. А. Богомолова. Сост., подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова и Д. Б. Волчека. Л., Советский писатель, 1989.
- Ходасевич В. Ф. Из неизданного наследия. Публ. и примеч. С. В. Поляковой. *Новое литературное обозрение*, 1993, 2, 165–169.
- Ходасевич В. Ф. *Собр. соч.* В 4 т. Сост., подгот. текста, коммент. И. П. Андреевой и др. Вступ. ст. С. Г. Бочарова. Т. 4. М., Согласие, 1997.
- Ходасевич В. Ф. *Собр. соч.* В 8 т. Сост., подгот. текста, коммент. Дж. Малмстада, Р. Хьюза; Вступ. ст. Дж. Малмстада. Т. 1: Полное собрание стихотворений. М., Русский путь, 2009.
- Шубинский В. И. «У меня ни рода, ни племени». *Октябрь*, 2016, 5, 166–175.
- Янгиров Р. М. Пушкин и пушкинисты: по материалам из чешских архивов. *Новое литературное обозрение*, 1999, 37, 181–228.
- Waysband, E. Vladislav Khodasevich's 'On Your New, Joyous Path' (1914–1915): The Russian Literary Empire Interferes in Polish-Jewish Relations. *Slavic and East European Journal*, 2015, 59, 246–269.

Для цитирования: Зельченко В. В. Русско-латинские рифмы: Потерявшееся стихотворение В. Ф. Ходасевича. *Philologia Classica* 2016, 11, 1, 82–88. DOI: 10.21638/11701/spbu20.2016.108

References

- Bogomolov, N. A. Zaglaviia v lirike: Opyt Khodasevicha [The Titles of Lyric Poems: The Case of Khodasevich] (2006), in: Bogomolov, N. A. *Sopriazhenie dalekovatykh: O Viacheslave Ivanove i Vladislave Khodaseviche* [Coniunction of the Remote: Papers on Viacheslav Ivanov and Vladislav Khodasevich]. Moscow, Izd-vo Kulaginoi; Intrada, 2011, 154–165. (In Russian)

- Don-Aminado. *Poezd na tret'iem puti* [*The Train on Track Three*]. Moscow, Kniga, 1991. (In Russian)
- Fedotov, O. I. Raritetye razmery khoreia v lirike Vladislava Khodasevicha i ikh sodержatel'nye priorityety [Rare Forms of Trochaic Verse in the Poetry of V. Khodasevich and Their Contextual Priorities]. *Polilog*, 2011, 1, 55–65. (In Russian)
- Gavrilov, A. K. *O filologakh i filologii: Stat'i i vystupleniia raznykh let* [*On Philologists and Philology: Articles and Speeches*]. Saint Petersburg University Publishing House, 2011. (In Russian)
- Khodasevich, V. F. *Sobranie sochinenii Vol. I: Stikhotvoreniia*. Pod redaktsiei Dzh. Malmstada, R. Kh'iusa [Collected Works. Vol. I: Poems. Ed. by J. Malmstad, R. Hughes]. Ann Arbor, Ardis, 1983. (In Russian)
- Khodasevich, V. F. *Stikhotvoreniia*. Vstup. st. N. A. Bogomolova; Sost., podgot. teksta i primech. N. A. Bogomolova i D. B. Volcheka [Collected Verse. Ed. by N. A. Bogomolov, D. B. Volchek, with an Introd. by N. A. Bogomolov]. Leningrad, Sovetskii pisatel', 1989. (In Russian)
- Khodasevich, V. F. Iz neizdannogo naslediia. Publ. i primech. S. V. Polakovoi [Some Unpublished Works. Ed. by S. V. Poliakov]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [*New Literary Review*], 1993, 2, 165–169. (In Russian)
- Khodasevich, V. F. *Sobranie sochinenii. T. 4*. Sost., podgot. teksta, komment. I. P. Andreevoi i dr. Vstup. st. S. G. Bocharova [Collected Works. Vol. 4. Ed. by I. P. Andreeva and others, with an Introd. by S. G. Bocharov]. Moscow, Soglasie, 1997. (In Russian)
- Khodasevich, V. F. *Sobranie sochinenii. T. 1: Polnoe sobranie stikhotvoreniia*. Sost., podgot. teksta, comment. Dzh. Malmstada, R. Kh'iusa. Vstup. st. Dzh. Malmstada. [Collected Works. Vol. 1: The Complete Poetry. Ed. by J. Malmstad, R. Hughes, with an Introd. by J. Malmstad]. Moscow, Russkii Put', 2009. (In Russian)
- Kissin (Muni), S. V. *Liogkoe bremia: Stikhi i proza. Perepiska s V. F. Khodasevichem*. Izd. podgot. I. Andreeva [The Easy Yoke: Collected Poems and Prose. Letters to V. F. Khodasevich. Ed. by I. Andreeva]. Moscow, August Press, 1999. (In Russian)
- Shubinskii, V. I. 'U men'a ni roda, ni plemeni' ['I have neither kith nor kin']. *Oktiabr'*, 2016, 5, 166–175. (In Russian)
- Skvortsov, A. E. Ob istochnikah nekotorykh stikhov Vladislava Khodasevicha [On the Sources of Some Poems by Vladislav Khodasevich] (2013), in: Skvortsov, A. E. *Poeticheskaia genealogiia* [*Poetic Genealogy*]. Moscow, OGI, 2015, 43–70. (In Russian)
- Uspenskii, P. F. *Tvorchestvo V. F. Khodasevicha i russkaia literaturnaia traditsiia (1900-e gg. — 1917 g.)* [*Poetry of V. F. Khodasevich and Russian Literary Tradition*]. Tartu, University of Tartu Press, 2014. (In Russian)
- Waysband, E. Vladislav Khodasevich's 'On Your New, Joyous Path' (1914–1915): The Russian Literary Empire Interferes in Polish-Jewish Relations. *Slavic and East European Journal*, 2015, 59, 246–269.
- Yangirov, R. M. Pushkin i pushkinisty: po materialam iz cheshskikh arkhivov [Pushkin and Pushkinists: Documents from Czech Archives]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [*New Literary Review*], 1999, 37, 181–228. (In Russian)

For citation: Zeltchenko V. V. Russian Rhyming with Latin: A Neglected Poem by Vladislav Khodasevich. *Philologia Classica* 2016, 11(1), 82–88. DOI: 10.21638/11701/spbu20.2016.108

RUSSIAN RHYMING WITH LATIN: A NEGLECTED POEM BY VLADISLAV KHODASEVICH

Vsevolod V. Zeltchenko

The article opens with critical remarks on the highly valuable, but abounding in lacunae edition of *The Complete Poetical Works* of V. Khodasevich, published in 2009 by John Malmstad and Robert Hughes as the first volume of the *Collected Works* of the poet. It is regrettable that the rich manuscript collection held by The Russian State Archive of Literature and Arts (Moscow) has found but little use in the edition. As a result, many subsequently revised or discarded variants preserved in the manuscripts of the poems of 1900s and 1910s as well as a number of sketches still remain unpublished. Another lacuna is the poem *In a Polish Church* (1918): it was published by Malmstad and Hughes in the supplements to the second volume of their *Ardis* edition (1990), but strangely disappeared from *The Collected Poetical Works*. It is an eight-line piece which paints, as could be gathered from the rough notes, a burial service held for a killed soldier and is in itself a curious macaronic experiment, for in each of the two four-line rhyming verses, two lines are in Russian, while the remaining two — fragments of the funeral mass and the Gospels — are in Latin. This article offers a critical edition of these verses together with an attempt of a commentary.

Keywords: Vladislav Khodasevich, editorial technique, Latin language in Russian verse.

Received: 21.04.2016

Final version received: 21.05.2016